

Унарова Любовь Дорофеевна

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ СОЦИУМ И МАСС-МЕДИА КАК СРЕДОВАЯ МАТРИЦА ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ОТКЛОНЕНИЙ

В статье представлены поселенческая среда проживания человека и масс-медиа в качестве матрицы, выступающей одним из основных источников формирования и детерминации его поведения и поведенческих отклонений. Показан процесс фактического образования целых районов в поселениях (городах и селах), в которых сконцентрировались социальные отклонения, что ведет, в первую очередь, к криминализации детей и молодежи. Подчеркивается возросшая значимость масс-медиа, оказывающих в немалой степени нетривиальное дисфункциональное воздействие на поведение человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 183-188. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ABOUT SOME PROBLEMS OF COMPENSATION FOR DAMAGES BETWEEN INFRASTRUCTURE OWNER AND CARRIER IN RAILWAY-INFRASTRUCTURE CONTRACT

Elena Vladimirovna Tkachenko
Department of Civil-Legal Disciplines
Siberian State University of Railway Engineering
tkachenko.e@mail.ru

The author reveals some of the problems of the compensation for damages between infrastructure owner and carrier in railway-infrastructure contract, and suggests providing full civil liability at the level of the RF Railway Charter for the non-performance or improper performance of contractual obligations between infrastructure owner and carrier.

Key words and phrases: railway-infrastructure contract; public railway transport infrastructure; railway-infrastructure service; infrastructure owner; carrier.

УДК 12

Социологические науки

В статье представлены поселенческая среда проживания человека и масс-медиа в качестве матрицы, выступающей одним из основных источников формирования и детерминации его поведения и поведенческих отклонений. Показан процесс фактического образования целых районов в поселениях (городах и селах), в которых сконцентрировались социальные отклонения, что ведет, в первую очередь, к криминализации детей и молодежи. Подчеркивается возросшая значимость масс-медиа, оказывающих в немалой степени нетривиальное дисфункциональное воздействие на поведение человека.

Ключевые слова и фразы: социальная среда; матрица; поселение (село, город); район; группы; масс-медиа; поведение; социальные отклонения.

Любовь Дорюфеевна Унарова, к. пед. н., доцент
Кафедра социально-гуманитарных дисциплин
Высшая школа музыки (институт) Республики Саха (Якутия)
unarova@mail.ru

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ СОЦИУМ И МАСС-МЕДИА КАК СРЕДОВАЯ МАТРИЦА ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ОТКЛОНЕНИЙ[©]

В современном российском обществе процессы развития носят зачастую спонтанный характер, происходят в условиях дисфункций социальной среды, ведут к росту поведенческих отклонений и возникновению маргинальных групп людей, к девальвации витальных, трудовых ценностей в пользу ценностей «вниз головой». Отношения человека со средой его проживания изначально строятся как многомерные пространственно-временные прямые и обратные связи. Есть интересная трактовка П. Вайля о влиянии среды на человека, она не лишена смысла: «Связь человека с местом его обитания – загадочна, но очевидна. Или так: несомненна, но таинственна. Ведают ею известный древним *genius loci*, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой» [4, с. 7].

Родившись в определенной среде, человек вынужден к ней приспосабливаться и испытывать ее матричное влияние. Под средовой матрицей понимается основа, прототип, параметр порядка нескольких переменных, к которым подстраиваются остальные. Становится понятным, что матричные структуры среды при любых условиях выступают не просто детерминантами поведения и оказывают существенное влияние на конкретных индивидов, составляющих разнообразные общности, а они стимулируют и катализируют их поведенческие изменения.

Окружающая жизненная среда человека включает в себя разные сферы, мы остановимся на некоторых из них: технокультурной – это средства и достижения культуры, экономики и технико-технологической цивилизации; информационно-коммуникационной – это системы знаков и символов, обеспечивающие коммуникационные связи и взаимодействия в социуме, способы восприятия и представлений; социокультурной – это группы, сообщества людей с их менталитетом, образом и стилем жизни, системой ценностей, комплексом норм. В их совокупности и возникает сложный механизм интерференции личностных, поведенческих и социокультурных детерминант. Наибольшую значимость имеет социокультурная сфера как причина и следствие идеационной, поведенческой и деятельности активной личности людей, входящих в те или иные сообщества. Однако все более влиятельной, «вездесущей» и «всепроницающей» силой воздействия на человека становится информационно-коммуникационная сфера.

Большая часть социумов человеком не выбирается, так как он является их частью (семья, когорта сверстников, поселенческий ареал, нация, общество в целом), поэтому происходит его объективное включение в освоение ценностей этих социумов и выполнение соответствующих требований. Остановимся на поселенческом социуме как на непосредственном социальном и системном организме существования, формирования и совместной жизнедеятельности людей. Разделив все виды поселений на город и село, мы получаем огромное количество вариантов «малой родины», различающихся по природно-климатическим, историческим, культурным, социальным, этническим, коммуникационным, локальным и другим параметрам. Подобный подход позволяет изучить место, уровень и формы взаимодействия различных субъектов детерминации поведения людей.

Сельское поселение может быть хутором на юге России и наслегом в Якутии, которые явно различаются такими показателями социализации, как уровнем развития социально-культурной, производственно-технической инфраструктуры, близостью к городам, наличием постоянных дорог и коммуникаций, количеством и составом жителей, историей, традициями. В то же время сельские поселения имеют ряд общих черт. Сельские поселения за счет плотного социального контроля жизнедеятельности человека со стороны окружающих создают достаточно эффективные механизмы социализации и инкультурации. Для сел и поселков характерен довольно стабильный состав жителей, слабая дифференциация социально-профессиональной и культурной структур, тесные родственные и соседские связи. Особенности жизнепроживания сельских жителей связаны с особенностями сельского труда: подчиненность труда ритмам и циклам природы, неравномерность трудовой занятости в течение года, тяжелые условия труда, большая связанность труда и быта, неизбежность и трудоемкость работы в домашнем и подсобном хозяйствах, отсутствие возможностей для активной трудовой мобильности жителей.

Городские поселения характеризуются концентрацией большого числа людей, высокой плотностью населения на ограниченной территории; широкой степенью разнообразия человеческой деятельности во всех сферах; дифференциацией социально-профессиональной и этнической структур населения, высокой пространственной, профессиональной и социальной мобильностью людей. В городе изменяется принцип и характер взаимодействий индивидов, на сцену выходит «свободный» индивид, а не регламентированный тесными связями член сельского коллектива. Город стимулирует индивидуальность и динамичность освоения мира. Субъект-субъектные отношения индивидов меняются принципиально, чем в сельском поселении.

Действительно, город постоянно дает возможность общаться представителям практически всех общественных групп, людям из местной среды и «чужакам», представителям иных этносоциальных образований, иных культур, которые постоянно скапливаются именно здесь. В городе концентрируется наибольшее число различных общностей – как формальных, так и неформальных. Можно выразиться так, что городская жизнь пронизана буквально ими, как бы состоит из них и в них реализуется. Каждый горожанин оказывается в центре перекрестия многих кругов коммуникаций, происходящих в общностях. Особенностью города является наличие у его жителей потенциальных возможностей для выбора во всех сферах жизнедеятельности. Тот или иной выбор конкретного человека определяется его семейными условиями, социальным слоем, к которому он принадлежит, территориальным расположением того района города, в котором он проживает. Большое значение для горожанина имеет необходимость играть множество социальных ролей.

А. В. Ахиезер, раскрывая ряд важных культурных признаков, которые характеризуют город и его отличие от села, вполне резонно выделяет его отдельные районы и специфические стороны как места притяжения, а также локализации носителей диссистемных смыслов и деструктивных инноваций [2].

В сборнике «Социология преступности» мы находим ссылку на Д. Р. Тафта, который различает несколько типов поселенческих районов с наиболее сконцентрированными в них социальными отклонениями. 1) «Район бедноты и более или менее нормального семейного уклада, относительно не осложненного никакими другими влияниями», в котором «подавляющее большинство бедняков ни в каком смысле не является делинквентами». 2) Трущобы, в которых «бедность осложнена разнородностью населения и другими факторами... район темных переулков и сырых подвалов, свободы и индивидуализма... пораженных бедностью и разрушенных семей; человеческих отбросов... бродяг и преступников... нищеты, а не просто зависимости; текучего и анонимного населения, перенаселенности и отсутствия социального контроля и конструктивных влияний...». 3) Промежуточный район с тенденцией к частичному совпадению с районом трущоб, «отгороженный от обычного общества каким-либо физическим или социальным барьером... железнодорожными путями, рекой... или большой промышленной зоной, или, как это часто бывает, цветом кожи либо враждой конкурирующих национальностей... Всякий такой окраинный район представляет собой поле сражения конфликтующих культур, а иногда, в буквальном смысле, поле сражения представляющих их шаек...». 4) Район домов, «где сдаются комнаты... в значительной части – район трущоб, но не одни только трущобы... известный своими объявлениями “сдается комната”, своими непринужденными обычаями и... людьми... район без детей... с очень текучим населением... район безличных отношений, в котором нет контроля со стороны районных властей... район личной и социальной дезорганизации». 5) «Своего рода гетто, или район, населенный одной группой иностранцев, также может быть очагом преступности, хотя гетто, где сохраняется однородность и контроль со стороны главенствующей группы, часто оказывается защищенным от преступности и обычно в гораздо меньшей степени концентрирует у себя делинквентность, чем разнородные трущобы...» [5, с. 156].

Данную типологию невозможно проигнорировать, она применима не только к российским городским поселениям, но и в определенной мере к сельским. В каждом поселении есть свой «Шанхай», его жители считаются потенциально криминальными, маргинальными, возможности которых и в самом деле ограничены ближайшей средой (семья, группа сверстников, школа, улица и т.д.), которая существенно сокращает для них вероятность перехода в иную социальную страту. Это вполне можно отнести к депривированным сельским поселениям или отдельным изолированным сегментам городского социума. К таким городским сегментам относится городской микрорайон ГРЭС Промышленного округа г. Якутска. Таким же образом можно охарактеризовать 17 квартал и район Кирзавода. Их можно отнести ко 2, 3 и 4 типам районов, согласно Д. Р. Тафту. Так, в районе ГРЭСа отсутствуют социально-культурные, социально-досуговые учреждения, спортивные комплексы, закрыты все детские сады. Школа является единственным «очагом» культуры. Во время наводнений, повторяющихся из года в год, особенно больших и разрушительных в период с 1998 г. по 2005 г., пострадало 80% жилья, треть из них до сих пор не отремонтирована, т.к. жилой фонд состоит в основном из «самостроя» на «самозахваченных» участках. Округ относится к криминогенным районам города, около 30% жителей имеют судимость, свыше 20% не имеют легального источника доходов. Среди взрослого населения только 6% имеют высшее образование, что существенно ограничивает их общую культуру, снижает порог толерантности, сужает возможности получения постоянной работы. Социально-незащищенные семьи составляют 55-60% [1, с. 28-29].

Анализ ситуации показывает, что в силу отсутствия «каналов» социально-трудовой и образовательно-профессиональной мобильности формируется ареал с маргинализированным, криминальным мышлением и поведением. Основная масса населения не видит перспектив ни для себя, ни для детей. Район отличается яркими проявлениями конфликтности на всех уровнях: семейно-бытовом, соседском, локально-территориальном. Да и «чужие здесь не ходят». Жители округа демонстрируют устойчивое недоверие к органам власти, общественно-политический негативизм, склонность к анархии и нигилизму. Государственная система социальной поддержки недостаточно удовлетворяет витальные потребности людей. Сложившаяся ситуация свидетельствует, что работа по воспитанию гражданской, правовой, политической культуры в микрорайоне не ведется или ведется явно недостаточно.

В этих городских районах оседают на жительство недавние заключенные исправительных учреждений. Данные институты наказания в основном расположены вокруг и недалеко от города. Следует особо отметить, что до сих пор в нашей стране преобладает следующее отношение к человеку, совершившему преступление: его надо наказать и отправить в заключение, а о его будущем можно и не думать. Мало что изменилось с тех пор, как было подмечено А. П. Чеховым за российской судебной системой, которая только умеет «судить человека и приговаривать его к тюрьме... а куда идет преступник после суда и зачем... ему неизвестно, неинтересно и не входит в круг его компетенции» [11, с. 24]. Получается так - преступник наказан, и проблемы решены. Конечно, этим самым государство и общество себя обманывают. Большинство осужденных людей через некоторое время снова становятся частью свободного общества. Освободившись из мест заключения, эти люди «оседают» в этих же поселениях.

Проживание в таком поселении, неблагоприятном соседском окружении, дезорганизованном сообществе, при недостатке или отсутствии добрососедских связей ведет в первую очередь к криминализации детей и молодежи. Дети и молодежь, проживающие в таких районах, подвергаются негативному воздействию гораздо в большей степени. Им приходится на уровне личных отношений быть осведомленными о наличии двух-трех и более моралей, стандартах поведения. Они могут принимать участие параллельно в деятельности либо законопослушных, либо криминальных, либо околоскриминальных групп. Естественным является возникновение конфликта между разными системами ценностей, выражаемыми семьей, сохраняющей статус благополучной, школой и противоречащими им формами поведения. Добавим ко всему факт рождения в бедной, лишенной радости, бесправной, принадлежащей к низшей страте семье, который порождает множество последствий, влияя на имеющиеся у ребенка возможности выбора и определяя воздействие окружающей среды на его личность, установки и жизненную философию. При этом следует признать, что бедность сама по себе недостаточна для проявления отклонения в поведении. В таких условиях система, согласно У. Эшби, тем легче «справляется» с разнообразием, сложностью поступающих сигналов, воздействием, самим объемом информации, объемом ответных реакций, чем больше у нее степень и уровень организованности. Определенным вариантом этого утверждения, теоретически оформленным является «закон необходимого разнообразия», который гласит: система, чтобы остаться устойчивой, должна иметь величину внутреннего разнообразия (сложности) не ниже поступающего извне воздействия (в том числе разрушающего) [14]. И система семьи рушится, не выдерживая массивированного, оказывающегося более организованным негативного внешнего воздействия. Усилия школы также не выдерживают конкуренции с субкультурой, контролирующей своих адептов.

Понятно, что в рамках поселенческого сообщества есть группы, которые оказывают активное криминальное влияние. «Именно группа устанавливает форму поведения, вырабатывает стимулы, вознаграждает славой и товариществом, обеспечивает защиту и обязывает к верности и, что самое главное, сообщает преступной жизни ее этическое содержание, без которого она не могла бы существовать» [13, с. 294]. Такая группа может удерживать человека в ней благодаря тому, что создает для него атмосферу безопасности, поддержки, защищенности, сплоченности, солидарности, круговой поруки, определяет ему необходимый статус, и человек постепенно с ней идентифицируется. А современная коллективная идентичность российского

общества настолько неопределенна, что не только не предлагает индивиду «путеводную нить Ариадны» для его странствий по лабиринту, но и, напротив, сбивает его с пути, - предупреждает Е. О. Труфанова [10]. Мы такую группу назвали активно-деструктивной. Эта категория членов сообщества является составной частью групп риска и субкультуры, которая при любых условиях разделяет криминальную мораль и соответствующие паттерны поведения. Они агрессивно настроены против любого вмешательства в их среду обитания, в лучшем варианте – им безразличны изменения в сообществе, проявления конструктивной социальной активности, связанные с попытками что-то исправить или улучшить жизнь поселения. Такие люди имеют судимость, отбывали наказание в исправительной колонии, расположенной в поселении, либо неподалеку. Выйдя из колонии, они остаются под воздействием криминального мира, проповедают его принципы, не имеют легального и постоянного источника доходов, но обычно совершают правонарушения (кража, мошенничество и т.п.). Они склонны к обману, к привычному истерическому и психопатическому проявлениям, к риску; для них предпочтителен паразитический, социально безответственный способ существования; характерно для них демонстративное пренебрежение, примитивизированные представления и потребности, нигилистически-циничное и анархистское отношение к людям, к власти, к труду, к социальным нормам, к закону. Они разрушающе и аморально действуют на ближайшее окружение, включая собственных детей, вовлекая их в криминальную сферу.

Таким образом, значительная концентрация социальных отклонений в определенных ареалах означает, что живущие в этих местах люди вступают в контакт не только с лицами, занимающимися запрещенной деятельностью, но и с группами, санкционирующими такого рода поведение и оказывающими давление на своих членов с тем, чтобы принудить их к соблюдению стандартов поведения, принятых в группе. Эти контакты означают, что традиции криминального поведения передаются по наследству и, действительно, передаются от одного поколения другому установки, которые становятся силой, определяющей развитие большого числа детей и молодых людей. В таком случае нарушение норм морали и права начинает действовать как социальная традиция, неотделимая от жизни определенной части членов поселенческого социума.

Другая сторона проблемы детерминирующего влияния среды связана с тем, что доминирующее значение в обществе приобретают стандарты успеха, что ведет к постепенному вытеснению законных и часто неэффективных попыток его достижения, к большему использованию незаконных, но эффективных средств аморального и преступного характера. Сегодня деньги, являясь значимой составляющей среды, одним из ее мощных факторов, оказывают пагубное воздействие на общество. Марксистские выводы о том, что следствием их развития является товарно-денежный фетишизм и отчуждение, когда отношения людей предстают как отношения вещей, классически находят подтверждение в сегодняшней реальности. Деньги стали представлять собой самостоятельную ценность, утратив первоначальное свое предназначение – быть эквивалентом обмена. Денежный расчет разрушает нормы морали, духовные ценности, он чужд принципам солидарности, гуманности, совести. Деньги стали править миром людей, толкая их на иррациональные, безнравственные действия, вплоть до совершения тяжких преступлений. Деньги стали «высшим существом», «идолом», в зависимости от которого находятся все социальные страты. Требования культуры, предъявляемые к индивиду в подобном случае, несовместимы между собой. С одной стороны, действительная и «экранный» жизни диктуют ему ориентироваться на достижение комфорта, богатства, успеха, гламура, а с другой стороны, в реальности отсутствуют для этого «институциональные способы». Неудовлетворенный, фрустрированный индивид из низшей страты, лишенный каких-либо ресурсов, пребывающий в социальном тупике, но жаждущий материальных ценностей, представляет собой агрессивное существо, обладающее потенциалом разрушения.

У потребления нет пределов – таков диагноз современного общества, данный Ж. Бодрийяром. Он говорит, что если бы потребление было просто поглощением-пожиранием благ, то рано или поздно наступило бы пресыщение [3]. Общество формирует особый тип человека – «потребителя-сверхпожирателя». Его можно определить как человека, стремящегося к максимизации комфорта и отказывающегося от ценностных суждений, ибо каждый вправе сам решать, как и каким образом ему достигать этой максимизации. Здесь «девиантная толерантность» достигает максимума, когда человек уже перестает понимать, что значит быть человеком. Единственным критерием остается «красивая жизнь» и ее атрибутика. Неудачи и подавленные устремления ведут к поискам путей для бегства из культурно обусловленной невыносимой ситуации; либо желания, не получившие удовлетворения, могут найти выражение в незаконных попытках овладеть доминирующими ценностями. Насилие, кража, коррупция, шантаж и обман становятся единственными «добродетелями» ввиду их относительной эффективности для достижения целей. В условиях аномии или культурного хаоса исчезает прогнозируемость и регулируемость поведения людей, вне зависимости их принадлежности к той или иной социальной страте. Вот тогда «формируются люди, которые могут смотреть на предмет и не видеть его, смотреть на человеческое страдание и не чувствовать его» [6, с. 203]. М. К. Мамардашвили их называет «намби», это онемевшие люди, но не в смысле языка, а в смысле онемения, притупления или немoty чувств и восприятий [6]. Осознание таких моментов позволяет сформулировать проблему «немoty» как во многом предопределенную тем, что в нашей информационной среде процветает чудовищная, невиданная одновременно. В качестве новости годится что угодно: важное, неважное, выдающееся, малозначимое – все без разбора выстраиваются в единообразный движущийся ряд. Здесь – трагедия Фукусимы, там – шоу «Голые и смешные», тут – события в арабском мире, а рядом – много стрельбы, секса и «жратвы». П. Слотердаик называет это смешение «моральной вентиляционной

системой», он стремительно определяется с диагнозом, именуя его – «фашизм в искусстве» [8]. Но, с другой стороны, *это и есть сама повседневность*.

Человека с ограниченным любопытством и ограниченными возможностями перемещения сменил человек исследующий, путешествующий, эмпирически настроенный, жадный до познания действительности, падкий и ненасытный на развлечения и зрелища. С победой радио, телевидения и электронных средств массовой информации с шоу в онлайн человек пошел по курсу расширения любопытства, и уже не человек управляет им, а оно управляет им.

Масс-медиа, в самом деле, создают универсальный «хаотический эмпиризм», они могут сообщить обо всем, всего коснуться (правда, не «обо всем», скорее, дозировано, по причине избирательности, манипулирования и замалчивания). Достаточно точное и ехидное замечание делает П. Слотердаек в адрес масс-медиа: «У них есть только один единственный интеллектуальный элемент – союз *и*. С помощью этого *и* можно поставить буквально все по соседству со всем» [Там же, с. 470]. Оно безразлично, цинично и незаметно распространяется на весь социум.

Еще П. А. Сорокин писал в свое время про новое социокультурное средовое пространство масс-медиа, как такой тип социокультуры, который характеризуется «собственной ментальностью, собственной системой истины и знания, имеет собственную философию и *Weltanschauung*; особый тип религии и образцы «святости»; свое собственное представление о правильном и неправильном; особые формы искусства и литературы; нравы, законы, правила поведения; собственную экономическую и политическую организацию; наконец, специфический тип человеческой личности с особым складом ума и манерами поведения» [9, с. 45].

В таком обществе господствуют те же императивы получения прибыли, власти и контроля, все направлено на это. Кроме того, в таком обществе атопическое (атопия – быть полностью выставленным напоказ) оказывается тотальным за счет всеприсутствия. Даже смерть стала демонстративно-публичной и перестала быть духовным и интимнейшим таинством, скорбным посвящением и переходом в вечность. Жизнь при этом не менее категорична, страшна и абсолютна, чем сама смерть. Господство виртуального в нашей жизненной среде вынуждает нас признать, что мы живем в мире симуляций, конструкторов и иллюзий, которые «рулят» нами.

Масс-медиальное сознание упраздняет бинарность «добра» и «зла», оппозиции «сущего» и «должного», выявления «что такое хорошо» и «что такое плохо». «Крошка-сын» узнает не от отца про «все и вся», а от всезнающего господина «масс-медиа». Следовательно, и традиционная мораль заметно утрачивает свое влияние. Человек, находящийся под колпаком масс-медиа, нуждается в событиях «на острие» теперь уже в реальной жизни, ему уже скучно без них: ему нужна борьба интересов и даже насилие; какое-либо или хоть какое-то активное действие, постоянная новизна событий и при этом неважна степень отклонения от общепринятых норм.

Можно заметить, что у людей «намби» сегодня вырабатывается своего рода защитный рефлекс: люди предпочитают смотреть, но не видеть, слушать, но не слышать. Видимо, такая позиция оберегает человека от полного опустошения и разрушения. Но надо помнить, о чем предупреждал Ф. Ницше, если «подолгу смотреть в пропасть, и она заглянет тебе в глаза» [7, с. 214].

Вышеизложенный материал позволяет нам придти к следующему: непосредственная социальная среда (поселенческий социум) и виртуальная информационно-коммуникационная сфера (масс-медиа) оказывают матричное воздействие на формирование и развитие человека, его поведение. Локализация в определенных районах поселений маргинальных, криминальных групп ведет к тому, что они становятся силой, способной определять развитие детей и молодежи, к расширению социальных отклонений среди них в первую очередь.

Мощной детерминирующей матрицей поведенческих отклонений становятся масс-медиа, обладающие властью «всепроникновения», демонстрирующие потребительские блага, стандарты успеха, силу денег. Человек поддается такому гипнотическому воздействию и в своем стремлении овладеть материальными ценностями при отсутствии достаточных ресурсов переходит к незаконным действиям.

Мы признаем, что человек живет во многом в вероятностно-случайной, открытой и незапрограммированной среде, но он в большой степени зависит от нее. Более того, «человек может быть всецело во власти среды (как рыба в аквариуме); но он может, постигая ее, встать над ней» и «оказывать сопротивление» [12, с. 348]. Ибо человек, обладая не только биологическими, органическими и поведенческими, но и технологическими механизмами организации жизненного пространства, может интенсивно преобразовывать и гуманизировать среду, что скажется в свою очередь и на нем в конечном итоге. В преобразовании среды необходимы солидарные действия гражданских, общественных и государственных сил, выраженные в конкретных актах: сооружении социально-культурных и спортивно-оздоровительных объектов, дополнительных образовательных учреждений; создании возможностей для занятости, досуга населения; наведении чистоты и порядка; заботе об окружающей природной среде и т.д.

Список литературы

1. Анисимова С. Г., Унарова Л. Д. Взаимосвязь социально-опозиционного самоопределения и девиантного поведения молодежи: монография. Якутск, 2005. 124 с.
2. Ахизер А. В. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 21-28.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр., сопров. ст. С. Н. Зенкина. М.: Рудомино, 2001. 318 с.
4. Вайль П. Гений места / послесл. Л. Лосева. М.: Астрель; CORPUS, 2011. 448 с.

5. Глюк Ш., Глюк Э. Техника исследования *ex post facto*. Отбор и объединение по парам делинквентов и неделинквентов // Социология преступности. Современные буржуазные теории: сб. статей / пер. с англ. М.: Прогресс, 1966. С. 149-172.
6. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / сост. Ю. П. Сенокосов. Изд-е 2-е, измен. и дополн. М.: Прогресс; Культура, 1992. 415 с.
7. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Избранные произведения / сост. М. Ш. Иванова. М.: Сирин, 1990. Кн. 2. С. 149-327.
8. Слотердайк П. Критика цинического разума / пер. с нем. А. Перцева. Екатеринбург – М.: У-Фактория; АСТ Москва, 2009. 800 с.
9. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. СПб.: Издат. РХГИ, 2000. 1054 с.
10. Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 14-16.
11. Чехов А. П. Из Сибири // Чехов А. П. Собр. соч.: в 12-ти т. М.: Правда, 1985. Т. 11. С. 5-39.
12. Шелер М. *Ordo amoris* // Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филиппова; под ред. А. В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. С. 341-377.
13. Шоу К. Р., Маккей Г. Д. Теоретические выводы из экологического изучения Чикаго. Различные системы ценностей // Социология преступности. Современные буржуазные теории: сб. статей / пер. с англ. М.: Прогресс, 1966. С. 288-299.
14. Эшби У. Введение в кибернетику / пер. с англ. Д. Г. Лахутина; под ред. В. А. Успенского; предисл. А. Н. Колмогорова. М.: Издат. иностр. лит., 1959. 432 с.

SETTLEMENT SOCIUM AND MASS MEDIA AS ENVIRONMENTAL MATRIX OF BEHAVIOURAL DEVIATIONS

Lyubov' Dorofeevna Unarova, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Department of Social-Classical Disciplines
Higher School of Music (Institute) of the Republic of Sakha (Yakutia)
unarova@mail.ru

The author presents the settlement environment of man and mass media in the quality of matrix serving as one of the main sources of the formation and determination of his behaviour and behavioural deviations, shows the process of entire districts actual formation in settlements (towns and villages), where social deviations are concentrated that primarily leads to the criminalization of children and youth, and emphasizes the increased significance of mass media that has great dysfunctional non-trivial influence on human behaviour.

Key words and phrases: social environment; matrix; settlement (village, town); district; groups; mass media; behaviour; social deviations.

УДК 316.34

Социологические науки

Статья посвящена исследованию интеллектуалов как социальной общности с конкретной формой социальной активности. В качестве интегрированной модели общественной деятельности интеллектуального сообщества автор рассматривает интеллектуальную культуру, реализующую потенциал самоопределения интеллектуалов и придающую их творчеству социально-актуальную направленность.

Ключевые слова и фразы: интеллектуалы; социотип; социальная активность; интеллектуальная культура.

Денис Евгеньевич Фирсов, к. филос. н., доцент
Кафедра истории и философии
Ярославская государственная медицинская академия
den_firsov@rambler.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ[©]

Вопросы социальной организации интеллектуальных сообществ активно обсуждаются отечественными и зарубежными экспертами [9, с. 3-8]. Актуальность проблемы обусловлена изменениями общественной динамики в странах Европейского союза в течение последних десятилетий. Процессы интеграции, опыт формирования «мультикультурных» ценностей неизбежно влияют на традиционные социальные институты. Меняется и общественная роль неотъемлемого элемента европейской социокультурной модели, сформировавшегося в процессе обсуждения «дела Дрейфуса» - интеллектуалов.

Целью данной работы является определение интеллектуалов как социальной общности с конкретной формой общественной деятельности.

Социотипические обобщения интеллектуалов основываются на маркировании их исторически обусловленной социальной коллективности. В качестве основы идентичности интеллектуального сообщества рассматриваются характеристики «индивидуальности» и «публичности», отражающие общий подход интеллектуалов к своим социальным задачам [Там же, с. 32].